

ВАДИМ ПАНОВ

suMpa

Москва
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П16

Разработка серийного оформления *М. Коняевой*
Оформление переплета *А. Ивановой*

Панов, Вадим Юрьевич.

П16 Аркада. Эпизод второй. suMpa / Вадим Панов. — Москва : Эксмо, 2020. — 480 с.

ISBN 978-5-04-104931-7

Этот мир фальшив чуть более, чем полностью.

Мир, в котором дополненная реальность подменила собой действительность. Мир, в котором люди видят только то, что хотят: красивые дома, красивые машины, красивых себя. Идеальных, без изъяна. Это наш мир, Земля 2029 года, мир, в котором нельзя доверять собственным глазам.

Мир лжи.

Мир, падающий в бездну апокалипсиса. Ложь заставила людей начать самую страшную войну в истории — против самих себя. Ложь накинута на мир удавку тотальной диктатуры, готовясь обратить людей в стадо рабов. Ложь погубила и закон, и мораль, но не смогла убить чувства, и посреди чудовищной лжи прекрасного будущего разворачивается удивительная история искренней любви между мужчиной и женщиной, которых, кажется, свела сама Судьба.

suMpa — вторая арка 2029 года от мастера прозы завтрашнего дня Вадима Панова.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104931-7

© Панов В. Ю., 2020
© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Арка́да (*фр.* arcade) — ряд одинаковых по форме и размеру арок.

Арка́да (*англ.* arcadegame) — жанр компьютерных игр, характеризующийся коротким, но интенсивным игровым процессом.

Арка́да (*таг.* arcade) — проект исследования будущего Вадима Панова, не связанные между собой романы, описывающие варианты развития человечества к 2029 году н.э.

Все персонажи вымышленные,
любые совпадения с реальными людьми
и событиями, имевшими место в действительности,
являются случайными.

Мы крайне редко задумываемся над тем, в каком чудесном мире живем.

Мы построили удивительное общество, привыкли к нему, перестали радоваться достижениям, и в этом... И в этом, конечно же, нет ничего странного: восхищение прекрасным, каким бы сильным оно ни было, не может длиться вечно. Удивительное новшество превращается в обыденность, и мы воспринимаем его как часть повседневной действительности. И в какой-то миг никто уже не сможет убедить нас, что совсем недавно мир кардинально изменился.

А иногда бывает так, что мы не верим в факт изменения мира. Нам кажется, что он был таким всегда.

Потому что мир удивительно хорош.

— Прекрасный замок, — негромко произнес я, когда старый официант поставил передо мной кофе.

На открытой террасе было так ветрено, что слова улетали прочь, в сторону перевала, и даже я, отнюдь не неженка, с удовольствием завернулся в плед, но посетители знаменитого кафе «Moses Mozart» предпочитали именно террасу, дабы насладиться великолепным видом на огромный замок, занимающий всю вершину соседней горы. Его выстроили в классическом стиле во времена раннего Средневековья, но изрядно переделали в эпоху Возрождения, и архитекторы ухитрились органично дополнить неприступную крепость непривычным для нее изяществом, создав чудесный сплав красоты и силы.

— Замок особенно хорош при безоблачном закате, — улыбнулся в ответ старик, держа в руке блестящий сере-

бряный поднос. — Солнце садится позади, окутывая стены и башни волшебным светом.

— Надеюсь, сегодня закат будет безоблачным? — спросил я.

— Хотите полюбоваться?

— Мне рассказывали об этом действе в самых восторженных тонах.

— Уверяю, вы не будете разочарованы, — пообещал официант. — Но я рекомендовал бы заказать столик. По вечерам у нас людно.

— В первом ряду, — распорядился я.

И спросил, когда начнется закат.

Через пару минут довольный официант ушел, я сделал глоток кофе — он оказался лучше, чем можно было ожидать в столь популярном у туристов заведении, — вернул тончайшую фарфоровую чашечку на столик и оглядел террасу. Время завтрака прошло, до обеда далеко, и на открытой площадке занято всего четыре столика. На правом краю, откуда хорошо просматривается не только замок, но и протекающая далеко внизу река, расположилась романтическая пара: высокий мужчина лет тридцати пяти, с классическим галльским профилем и гривой черных волос, и молодая блондинка, стиль одежды которой нарушал все известные мне парижские законы о нравственности и общественных приличиях. К счастью, мы находились далеко от центра шариатской моды, и красавица могла без опаски выставлять напоказ свои выдающиеся прелести, на радость богатому спутнику и на зависть окружающим. Во всяком случае, две крупные афроитальянки смотрели на блондинку с нескрываемым вожделением, вполголоса обсуждая, что бы они сделали с красивой девчушкой, окажись она в их власти. Однако приземистый «Porsche Sovereign» модного в этом сезоне цвета «золотая ваниль», на котором приехала парочка, делал шансы итальянок призрачными. Потому что «Porsche» был украшен малозаметной, но необычайно веской меткой «original». Последний столик занимали Гуффи и Плуто¹, яр-

---

¹ Гуффи и Плуто — собаки из анимационных произведений The Walt Disney Company.

кие и весьма шумные. Они галдели у балюстрады, обнимались, целовались и позировали дрону: то на фоне замка, то просто так. Официанту отвечали веселым лаем, а в какой-то момент дружно завыли, вызвав у меня улыбку, а у афроитальянок — раздражение. Афроитальянок вообще все бесило, поскольку блондинка никак не реагировала на их намеки и, судя по всему, игнорировала запросы через ar/G¹.

В конце концов итальянки ушли, громко, без стеснения обсуждая «шлюх, лежащих под толстосумов», за ними последовали Гуффи и Плуты, полностью увлеченные друг другом, затем кафе покинула романтическая парочка. Я же просидел на террасе до обеда: в уютном кресле-качалке, закутавшись в плед и любуясь замком. На моих коленях лежала книга, в которую я изредка заглядывал, но в первую очередь я отдыхал, дышал горным воздухом и никуда не торопился.

Что же касается вечернего шоу, официант не обманул: оно действительно потрясало. Замок был выстроен мастером своего дела, сумевшим расположить здания так, чтобы черепичные крыши домов и башен создавали неповторимый ансамбль с крепостными стенами, над которым горделиво возвышался мощный донжон. И безоблачное небо стало идеальным фоном для картины чарующей красоты: лучи постепенно опускающегося солнца мягко вырезали замок из нашего мира, превращая в олицетворение сказки. Терраса наполнилась восторженными возгласами, кто-то фотографировал, кто-то вел прямой эфир, вокруг летала стая дронов, а я сидел в первом ряду и молча ждал появления драконов. Двух чудесных крылатых красавцев, чей танец должен был стать украшением вечера.

И стал таким.

И я хочу сказать, что ни одно самодеятельное видео, ни один профессиональный фильм из тех, что я видел, не сумели передать поразившую меня симфонию красоты.

Я наблюдал за тем, как взлетевшие со стен драконы устремились вверх, к чистому небу, вытянув шеи и почти

---

¹ ar/G — глобальная мобильная сеть. AR (Augmented Reality) — дополненная реальность.

слившись в бесконечно быструю ракету; как они закружились в хороводе, спускаясь вниз по широкой спирали; как пролетели над зрителями, продемонстрировав светлую чешую животов и могучие когти на согнутых лапах; как улыбались, зависнув в воздухе напротив террасы, обрамляя замок, подобно геральдическим щитодержателям.

Затем солнце скрылось за горами, большая часть туристов покинула террасу, остальные приступили к ужину, а я плотнее закутался в плед и задумался над тем, в каком чудесном мире нам довелось жить.

Пусть он и фальшив чуть более, чем полностью.

Из дневника Бенджамина «Орка» Орсона

data set primus

FERRUM VICTUS¹

---

¹ Железо побежденное (*лат.*).

**Франция, Париж
ноябрь 2028**

И снова осень.

Новая осень в старом Париже.

Снова ноябрь, и небо над головой нежное, как первая любовь, нежно-нежно-голубое, нежное до прозрачности, нежное до того, что щемит душу и не верится, что оно настоящее. Небо светлое, как глаза младенца, и такое же чистое. Не испачкалось в словах и страстях, что поднимаются к нему с площадей и переулков. Небо не может испачкаться, потому что не слушает слова, поднимающиеся с площадей и переулков, ведь оно не обязано. И оно никогда не являлось частью города, ведь небо — это иной мир, не имеющий отношения к застывшим камням. Небо выше, и небо равнодушно, потому что его тянет в такую даль, вообразить которую человек не в состоянии.

Небо всегда стремится прочь.

Небо — это ветер, а ветер — гость. Поэтому небо всегда чужое.

И Орсон не доверял небу, поскольку в его профессии из прозрачной синевы или плотных облаков частенько прилетала смерть: снаряды, ракеты, вертолеты и дроны — все они тащат свое зло по небу, приучая к мысли, что сверху падают лишь неприятности. Орсон привык, Орсон не доверял, однако хорошо запомнил слова Сары: «Самое красивое небо — в ноябре в Париже...» и сейчас, глядя в неестественную нежность голубого, вспомнил именно эту фразу умершей жены: «Самое красивое небо — в ноябре в Париже...»

Может, Сара так решила, потому что была в городе влюбленных один-единственный раз — в ноябре? И ее слова

стали эхом царящего в душе восторга? Потому что никак иначе не могла она выразить радость от путешествия, о котором мечтала всю свою жизнь.

«Самое красивое небо...»

Эти слова не значили для Орсона ничего, поскольку небу он не доверял, но, услышав их, Бен улыбнулся, нежно взял в руки ладони жены, наклонился и подышал на них, потому что пальцы Сары оказались холодными-холодными. Они стояли на набережной Сены, смотрели на Эйфелеву башню, жмурились на яркое солнце, но оно не грело, только светило, а налетавший ветер заставлял ежиться и сожалеть о позабытых в гостинице шарфах.

«Мне хорошо, — тихо сказала Сара. — Несмотря на то, что осень».

«Париж красивый, — глупо ответил Орсон. — Всех сюда тянет».

«Мне хорошо, потому что я с тобой, дурачок, — улыбнулась Сара. — Париж — это всего лишь город. Он безразличен, как любой другой, и открывает душу только тем, кто приезжает с любовью».

«Как мы с тобой?»

«Да, Бен, как мы с тобой».

И прозвучавшие в осеннем городе слова сделали Орсона счастливым.

///

— Они едут, — громко произнес Толстый, отставляя коммуникатор. — Зона блокирована.

И вытер со лба пот.

Их было четверо: Толстый, Китаец, Длинный и Мегера. Они прятались в подземном убежище, в выложенной камнем комнате, отчаянно напоминающей склеп, и знали, что им не уйти.

— Может, не будем рисковать? — очень тихо спросил Китаец.

Толстый вновь вытер со лба пот. Длинный дернул плечом, но промолчал.

Мегера же улыбнулась и покинула кресло, в котором сидела до сих пор, держа на коленях раскрытую книгу.

Ей было лет двадцать пять, если и больше, то не намного, и девушка дышала молодостью и силой. И красотой. Она была хорошо сложена: высокая, стройная, но не худая, и вместе с тем — не набравшая лишних килограммов. Но впечатление об ее фигуре складывалось лишь из того, как Мегера двигалась, поскольку девушка предпочитала свободную мешковатую одежду, принятую среди радикалов outG и «прогрессивной» молодежи. Широкие штаны и кофта прятали фигуру, но не могли скрыть узкое лицо с высокими скулами, чистым лбом и небольшим подбородком. Аккуратный носик, пухлые губы, такие изящные, что казались ненастоящими, большие карие глаза... из Мегеры можно было сделать замечательную куколку, наряженную в дорогое платье и не знающую ничего, кроме вечеринок, но огонь в глазах отчетливо говорил, что девушка сама может сделать куклу из кого угодно.

Куклу вуду.

— Мы сильно рискуем, — протянул Китаец, глядя на Мегеру.

Девушка вновь улыбнулась и откинула упавшую на лицо прядь. Черные волосы она стригла коротко, но оставила длинную непослушную челку, которую любила поправлять привычным жестом.

— Нас могут убить.

— Да... — Мегера остановилась, оглядела друзей, еще раз подтвердила: — Да. — И раскрыла книгу, которую держала в руке. Старую книгу в потертой обложке. Судя по всему, Мегера знала ее содержание наизусть, но ей нравилось гладить пальцами пожелтевшие от времени страницы.

Когда остыл в груди бессмысленный порыв,
Твоя рука легко черту подводит бою;
Когда ушел прилив и отшумел отлив
Страстей, огонь и пыл унесших за собою,
Ты, ты одна ведешь нас к вечному покою,
Движенье волн морских навек остановив.
К иным приходит жизнь в сияющем обличье,
И власть державную дает

Иной судьбе внезапный взлет,
И вся земля дрожит в лихом победном кличе –
Но только смерть дает верховное величие;
Резцом ваятеля она смягчит черты
И одевает все покровом красоты¹.

Она ни разу не сбилась, ни разу не заглянула в книгу, ее голос оставался абсолютно спокойным, и зачарованные мужчины еще долго молчали после того, как последние слова стихотворения коснулись старых стен комнаты, больше похожей на склеп.

И лишь затем красивая девушка в бесформенной одежде улыбнулась и негромко, но очень уверенно сказала:

— Бояться нечего.

///

— Полковник! — Голос прозвучал резко и даже грубовато, но в пределах допустимого. — Полковник!

— Мистер Маккинрой, — отозвался Орсон, не отворачиваясь от окна, за которым проплывал осенний Париж.

— Мне показалось, вы спите.

— С открытыми глазами?

Бен попытался поддеть навязанного отряду офицера, но безуспешно — тот оказался малым не промах.

— Вы не умеете спать с открытыми глазами? — притворно изумился Маккинрой.

Послышались сдержанные смешки: парни Орсона оценили быстрый и острый ответ Эрла.

— Умею, — рассмеялся в ответ Бен. — Но сейчас я задумался.

— Что-то личное?

— Как вы догадались?

— Вы улыбались.

Парни притихли, потому что знали, что последние месяцы полковник улыбался, лишь вспоминая жену.

— Да, — помолчав, признал Орсон. — Я вспоминал... одну старую поездку. Очень приятную.

---

¹ *Огюст Барбье*. Гимн смерти.

— Извините, что отвлек, — неожиданно произнес Маккинрой.

— Ничего страшного. Вы что-то хотели?

— Вы не будете против, если я проведу последний инструктаж?

Эрл — если, конечно, это его настоящее имя, — официально руководил операцией, однако вел себя на удивление деликатно, подчеркивая, что командир он временный и ни в коем случае не покушается на власть Орсона. Откуда Эрл взялся, спецам не сказали, то ли из разведки, то ли из GS¹, но Бен и его ребята поняли, что Маккинрой — парень опытный, побывал во многих переделках и в тонкостях оперативной работы разбирается не хуже их.

А может, и лучше.

— Конечно, Эрл, — кивнул Орсон.

Микроавтобус приближался к месту назначения, и другой возможности провести инструктаж могло не представиться.

— Спасибо! — Маккинрой переключился на общий канал связи и уверенно произнес: — Джентльмены, напоминаю: наша основная цель — арест хакера, известного в Сети под ником «Мегера». Предположительно мы говорим о женщине, но возможны варианты...

— Сейчас возможны самые разные варианты, — едва слышно проворчал Дакота, и парни захихикали. — Если кто забыл: у нас восемьдесят четыре идентификации сексуального самоопределения, и это не считая еще не признанных.

Орсон думал, что Маккинрой вспылит, но тот прекрасно знал, что в любом отряде обязательно отыщется балагур с индальгенцией на ехидные замечания, терпеливо дождался, когда смешки стихнут, и вернулся к инструктажу:

— В убежище, в которое мы войдем, находятся Мегера и несколько ее ближайших помощников. Состав группы неизвестен, однако я абсолютно точно знаю, что среди них нет бойцов, только умники. Так что будьте вдвойне осторожнее.

Умниками на сленге спецов звали хакеров. Сами по себе они опасности не представляли, порой даже не различали, где у пистолета ствол, а где курок, но с электронными же-

---

¹ GS (Global Service) — всемирная служба безопасности.